

Ю. В. КНОРЗОВ

ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ ИЕРОГЛИФИЧЕСКОЙ
ПИСЬМЕННОСТИ МАЙЯ

До настоящего времени среди специалистов еще распространено мнение о том, что на территории Америки до европейской колонизации не было письменности в собственном смысле слова. Различные системы письма, употреблявшиеся индейцами, рассматривались как пиктографические или идеографические. Однако сейчас уже точно установлено, что древние цивилизованные народы Америки (майя, сапотекы, ольмеки, а также кечуа и аймара) пользовались иероглифическим письмом того же типа, как и в Старом Свете (Китай, Шумер, Египет и т. д.). Иероглифическое письмо, в отличие от пиктографии, передает звуковую речь; наиболее характерными признаками его являются: наличие трех категорий знаков (идеографических, фонетических и ключевых), многозначность знаков и приближительность передачи фонетического состава слов.

На территории Мексики и Центральной Америки обнаружены памятники иероглифической письменности трех народов — майя, сапотеков и так называемых ольмеков.

Древние города майя расположены четырьмя основными группами. В центральную группу (около озера Петен-Ица) входит древнейший и наиболее крупный из городов майя Тик'аль, вокруг которого много других древних поселений, в том числе Вашактун, где найдены самые ранние датированные надписи майя (IV в. н. э.). В южную группу входят Киригуа и Копан, второй по величине после Тик'алья древний город майя с замечательными памятниками скульптуры и архитектуры (в их числе знаменитая лестница, на которой начертаны иероглифы). В юго-западную группу входят города долины реки Усумасинты: Паленке, Йашчилан, Бонампак, Пьедрас Неграс и расположенный еще дальше на юго-запад город Тонина. Северную группу составляют города Юкатана, из которых наиболее известны Чичен-Ица, Ушмаль и Майяпан. Во всех древних городах майя обнаружено большое количество надписей на камне. В конце XIX — начале XX вв. появились обширные публикации этих надписей. Кроме того, в европейских библиотеках были найдены три рукописи майя, вывезенные из Америки в XVI в.

Ольмеками принято называть неизвестный народ, живший на побережье Мексиканского залива на месте теперешних штатов Табаско и Вера-Крус. Памятники цивилизации ольмеков стали известны главным образом в результате раскопок американского археолога М. Стирлинга в Ла-Вента, Трес-Сапотес и Серро-де-лас-Месас. Иероглифических надписей ольмеков пока найдено немного — стела из Трес-Сапотес, три стелы из Серро-де-лас-Месас и надпись на статуэтке из Туштлы. Общее количество знаков в ольмекских надписях — около 50. Более $\frac{1}{3}$ всех знаков — очень близкие варианты знаков майя. В ольмекских надписях имеются даты, записанные теми же цифрами, которые употребляли майя (точка для единицы и черточка для пяти). Письмо ольмеков совершенно не изучено.

В изучении древней цивилизации сапотексов (штат Оахака) основную роль сыграли раскопки мексиканского ученого А. Касо. Важнейшими центрами здесь были Монте-Альбан и Митла. В Монте-Альбан найдено более 20 иероглифических надписей, главным образом на стелах. Самые древние надписи, состоящие из 3—4 иероглифов, начертаны на каменных плитах с изображениями так называемых «танцоров». Кроме того, известны надписи в Киуланан, Сосо, пять надписей в Сачилья и более 15 надписей без указания места находки. Опубликовано более 50 сапотекских надписей. Общее количество знаков в сапотекских надписях — около 100. Некоторые сапотекские знаки весьма близки к знакам майя, однако большинство их отличается и от знаков майя, и от ольмекских знаков. А. Касо определил сапотекские иероглифы, обозначающие названия дней, пользуясь сходством между календарями сапотексов, майя и астеков.

Центральноамериканские иероглифические системы письма оказали сильное влияние на пиктографию соседних племен и народностей. В развалинах тольтекской столицы Толлан встречаются отдельные знаки, похожие на иероглифы майя и сапотексов, но не найдено ни одной надписи. По сообщению мексиканского историка Ф. де Альва Иштлильшочитля, у тольтеков были книги с записью исторических событий и пророчеств. Тольтекские рукописи не сохранились, но имеется большое количество позднейших астековских рукописей, по-видимому, следующих тольтекской традиции. Астековские рукописи были пиктографическими; в них обычно изображался ряд сценок, каждая из которых соответствовала целому рассказу или, реже, фразе. Основной пиктографический текст часто дополнялся отдельными словами, записанными с помощью идеограмм и фонетических знаков, то есть иероглифическим способом. Однако иероглифы употреблялись не для записи целых фраз, а исключительно для передачи имен собственных, географических названий и дат. Таким образом, у тольтеков и астеков были только начатки иероглифического письма, дополнявшие пиктографию. Астековские иероглифы почти совершенно не стандартизированы. Ряд знаков совпадает со знаками майя и сапотексов.

Три центральноамериканские системы письма — майя, сапотексов и ольмеков — весьма сходны между собой, и вряд ли возможно отрицать их общее происхождение, несмотря на то, что многие знаки сапотексов не имеют никаких аналогий у майя. Ольмекское письмо, несомненно, ближе к майя, чем сапотекское. При этом следует отметить, что майя и сапотеки относятся к различным языковым семьям, а языковая принадлежность ольмеков неизвестна. У названных трех систем есть много общих черт: знаки обычно заключаются в овал или прямоугольник; фигуры людей и животных, как правило, не встречаются, а изображаются только головы в профиль («лицевые» знаки); знаки обычно соединяются в группы, соответствующие словам; строчки пишутся слева направо и сверху вниз; во всех трех системах письма употребляются одинаковые цифры.

Древнейшие надписи у всех трех народов восходят к рубежу нашей эры. Большинство ученых сходится на том, что письменность возникла в первые века до н. э. До расшифровки письмен сапотексов и ольмеков нет возможности точно определить, насколько они связаны с письмом майя и какой народ первым изобрел письмо. Однако соответствие названий изображенных предметов и фонетического чтения знаков у майя дает возможность предположить, что иероглифическое письмо впервые появилось у них. Это предположение подтверждается также тем, что именно у майя найдено наибольшее количество памятников письменности.

По количеству сохранившихся текстов письменность майя не имеет себе равных на континенте Америки. Пока не изучены иероглифические тексты, нет возможности успешно изучать древнюю цивилизацию майя.

Кроме того, изучение письма майя, вероятно, значительно облегчит дешифровку сапотекских и ольмекских надписей.

Хотя письмо майя изучается уже около столетия, расшифровать его удалось только в 1951 г. Термин «расшифровка» часто понимается неправильно. Одни авторы называют расшифровкой любое произвольное толкование неизвестных знаков, другие под расшифровкой понимают полный, законченный перевод текстов, записанных неизвестными письменами. И то, и другое неверно.

По различным косвенным признакам можно определить смысл отдельных иероглифов; но если и удастся определить смысл иероглифа, то это еще не означает, что данный иероглиф можно прочесть. Например, изображение собаки в рукописях майя сопровождается иероглифом из двух знаков. Есть все основания предполагать, что этот иероглиф передает слово «собака». Но в языке майя имеется несколько синонимов, и все они означают «собака». Кроме того, неизвестно, насколько древнее произношение отличалось от нового. Возможно также, что многие слова древнего языка вообще не сохранились в новом. Определение смысла иероглифа дает возможность узнать, какое понятие выражает слово, записанное иероглифом; в то же время остается неизвестным, какое именно это слово и как оно произносится. Если смысл ряда иероглифов определен правильно, создаются возможности для попыток чтения.

В отличие от определения смысла отдельных иероглифов по косвенным признакам, расшифровка — это начало точного фонетического чтения слов, записанных иероглифами. В результате расшифровки изучение текстов становится отраслью филологии.

Смысл многих иероглифов майя известен по источникам XVI в. 20 иероглифов, обозначающих дни, и 18 иероглифов, обозначающих месяцы, были приведены в работе Диего де Ланда¹ (у майя год состоял из 18 двадцатидневных месяцев, а каждый день месяца имел свое название). Ланда привел также соответствующее каждому иероглифу название дня или месяца, записанное испанскими буквами. В других рукописях колониального периода приведены древние цифры майя. Зная цифры, иероглифы дней и месяцев и календарь майя, уже первые исследователи XIX в. на основании арифметических расчетов определили смысл ряда иероглифов. Рукописи майя в основном календарного содержания, и каждый параграф относится к тому или иному дню и числу недели (у майя была тринадцатидневная неделя, дни которой не имели названий, а обозначались цифрами). Так как даты в параграфах рукописей идут в строго определенном порядке, не составляет труда подсчитать очередную дату, даже если она полностью стерлась. В некоторых случаях числа недели вместо цифры обозначаются иероглифами. Например, на стр. 19 Дрезденской рукописи число недели перед параграфом записано иероглифом из трех знаков. Арифметический расчет показывает, что здесь должна быть цифра 11. Аналогичным образом на стр. 9 той же рукописи вместо числа 3 стоит иероглиф из двух знаков. Точно так же, путем арифметических расчетов, были определены иероглифы, означающие нуль, 20 и т. д. Исследования XX в. почти исключительно шли по линии попыток определения смысла иероглифов путем арифметических расчетов. Этим путем можно было, конечно, определить смысл только тех иероглифов, которые так или иначе связаны со счетом. Таких иероглифов нашлось немного, да и то смысл их удалось определить самым приблизительным образом, например: «иероглиф счета вперед», «иероглиф счета назад» и т. д.

¹ Диего де Ланда, Сообщение о делах в Юкатане (1566), М.—Л., 1955, гл. XL.

Как читаются все эти иероглифы, смысл которых удалось определить, оставалось неизвестным. Для передачи иероглифов дней и месяцев употреблялись названия, приведенные Д. Ланда, хотя они во многих случаях, безусловно, не являются чтением иероглифов. Другие иероглифы обозначались просто европейским словом или подходящим по смыслу словом майя.

Смысл ряда иероглифов, передающих названия животных (собаки, индюка, попугая, ягуара и других), удалось определить путем сличения текста и рисунков в рукописях майя. В рукописях над изображением какого-либо животного, например ягуара, обычно встречается один и тот же иероглиф. В ряде случаев такие определения оказались правильными. Аналогичным образом были определены иероглифы богов. Так как оставалось неизвестным, что это за боги, их обозначали буквами латинского алфавита: бог А, бог В и т. д.

Расшифровка письма майя значительно облегчалась тем, что Д. де Ланда привел в своей работе список 30 алфавитных и слоговых знаков. Однако многие знаки у Ланда написаны настолько неясно, что их долгое время не могли разобрать. Кроме того, Ланда одним и тем же знакам давал совершенно различные толкования. Например, знак дня *Sauac* фигурирует в составе иероглифов месяцев *Yax* и *Ceh*, а также в качестве слогового знака *si*. Многим исследователям эти противоречия казались непреодолимыми.

Попытки расшифровать письмо майя, т. е. перейти от толкования смысла к точному фонетическому чтению иероглифов, неоднократно предпринимались в XIX в. Наибольшие успехи были достигнуты французским ученым Л. де Рони. Используя алфавит Ланда, он первый правильно прочел слово «индюк» (*cutz*), записанное двумя фонетическими знаками, и первый правильно объяснил характер письма майя. Кроме того, он определил иероглифы, обозначающие различные цвета и страны света, хотя и не смог их прочесть. Примеру Л. де Рони последовал американский ученый С. Томас, которому удалось правильно прочесть еще три слова (*тоо* «попугай», *kuch* «гриф», *le* «силок»). Однако правильные чтения отдельных слов у Л. де Рони и С. Томаса носят случайный, несистематический характер; полностью отсутствуют убедительные перекрестные чтения (когда один и тот же знак читается одинаково в разных словах). Только сейчас выяснилось, какие из многих десятков предложенных этими учеными чтений действительно правильны.

Противникам фонетического чтения иероглифов удалось к началу XX в. свести на нет все достижения французской школы расшифровщиков. Немногие правильные чтения полностью игнорировались. Нигилистическое отношение к первым попыткам расшифровки определялось, в основном, теоретическими взглядами, возобладавшими в XX в. Письмо майя стало рассматриваться как идеографическое. Наличие алфавитных знаков целиком отрипалось, и все знаки толковались как идеограммы, символы или ребусы. Исходя из этих взглядов, Э. Дж. Томпсон толкует, например, иероглиф собаки следующим образом: иероглиф состоит из двух знаков, первый знак изображает ребра животного и является символом собаки, второй знак — символ смерти. Сочетание символа собаки с символом смерти объясняется тем, что, по представлениям древних майя, собака провожала тени умерших в загробный мир¹. По мнению Томпсона, это толкование и является расшифровкой. Ясно, что такая «расшифровка» не может помочь понять какой-либо другой иероглиф. Томпсон так и пишет:

¹ J. Eric S. Thompson, *Maya hieroglyphic writing. Introduction*, Washington, 1950, стр. 78.

«Расшифровка новых знаков не упрощает задачу толкования остальных, как это бывает в кроссворде или в письме, где употребляется алфавит»¹.

Как указывалось выше, мы понимаем под расшифровкой переход к точному фонетическому чтению иероглифов. Такая расшифровка является ключом к чтению текстов, потому что, опираясь на уже известные знаки, можно читать любые новые слова, в которых эти знаки встречаются. Разумеется, расшифровка в этом смысле основана на тезисе, утверждающем, что любое иероглифическое письмо является записью звуковой речи. Критерием правильности расшифровки служит перекрестное чтение. Если знак читается одинаково в нескольких словах, то это дает основание считать его чтение достоверным. Для иллюстрации правильности расшифровки, предложенной автором настоящей статьи в 1951 г., можно привести несколько примеров таких чтений.

1		<i>с(u)</i>	8		<i>h(a)</i>	15		<i>лув</i>
2		<i>tz(u)</i>	9		<i>p(a)</i>	16		<i>кати</i>
3		<i>l(u)</i>	10		<i>t(i)</i>	17		<i>кам</i>
4		<i>в(u)</i>	11		<i>cutz</i>	18		<i>уках</i>
5		<i>к(a)</i>	12		<i>tzul</i>	19		<i>рак</i>
6		<i>т(a)</i>	13		<i>vulus</i>	20		<i>мам</i>
7		<i>u</i>	14		<i>cantzu</i>			

Ланда в своем алфавите³ приводит слоговой знак *cu* (табл., 1). Этот знак стоит первым в иероглифе индюка (табл., 11), смысл которого определен путем сличения текста и рисунков. В языке майя употребляются два синонима для выражения понятия «индюк» — *cutz* и *ulm*. Можно предположить, что иероглиф индюка является фонетической записью слова *cutz* и что второй знак в этом иероглифе (табл., 2) читается *tz*. Знак *tz*

¹ J. Eric S. Thompson, The rise and fall of Maya civilization, Norman, 1954, стр. 167.

стоит первым в иероглифе собаки (табл., 12), смысл которого установлен путем сличения текста с рисунками. Вторым в иероглифе собаки стоит знак, которым по алфавиту Ланда передается звук *l* (табл., 3). В языке майя имеется несколько синонимов для выражения понятия «собака» — *pek*, *tzul*, *ah bil*, *bincol*. Можно предположить, что иероглиф собаки является фонетической записью слова *tzul*, так как первый знак иероглифа читается *tz*, а второй *l*. Если эти чтения правильны — а они подтверждаются и алфавитом Ланда, и косвенным определением смысла иероглифов путем сличения их с рисунками, — то получается, что один и тот же знак может употребляться и как слоговой, и как алфавитный.

Как указывалось выше, на стр. 19-а Дрезденской рукописи вместо цифры 11 написан иероглиф из трех знаков (табл., 13). Естественно предположить, что этот иероглиф является фонетической записью числительного «одиннадцать» (на языке майя *buluc*). Значение первого знака неизвестно, второй знак в алфавите Ланда и в иероглифе собаки читается *l*, третий знак в алфавите Ланда и в иероглифе индюка читается *si*. Получается чтение ? — *l* — *si*. Отсюда можно заключить, что здесь действительно записано слово *buluc*, причем первый знак (табл., 4) читается *bu*, второй может читаться не только *l*, но и *lu*, а третий — не только *si*, но и *s*, т. е. подтверждаются предыдущие наблюдения. В надписи из Йула (1В5) встречается иероглиф, состоящий из тех же двух знаков, что и иероглиф индюка (табл., 14), с той разницей, что они идут в обратном порядке. Следовательно, этот иероглиф читается *tzuc*, что значит «отряд». Такое чтение подтверждается наличием перед иероглифом цифры 4 (четыре точки), потому что «четыре отряда» (*can tzuc*) играли значительную роль в истории майя. На стр. 37-а Дрезденской рукописи фраза начинается иероглифом (табл., 15) из двух знаков. Первый из них *l(lu)*, а второй — *b(bu)*. Следовательно, иероглиф читается *lub* «падать», «идти дождю» (в сочетании *lub chaac*). Такое чтение вполне подтверждается рисунком, сопровождающим фразу.

Отсюда ясно, что чтение иероглифов, в которых встречается один из известных знаков, не составляет труда, если лексика в достаточной степени известна. Рассмотрим другой пример. Д. де Ланда в своем алфавите приводит знак *k* (табл., 5). В третьем примере написания слов у Ланда этот же знак передает слог *ka* (в слове *kati*, табл., 16). Следовательно, данный знак, подобно рассмотренным выше, может употребляться и как слоговой, и как алфавитный. В Дрезденской рукописи неоднократно встречается иероглиф (табл., 17), который, судя по сопровождающим текст рисункам, может означать «дар», «брат». Иероглиф состоит из двух знаков. Первый знак, по Ланда, читается *k(a)*. Второй знак (табл., 6), также по Ланда, передает слог *ma*. Следовательно, иероглиф читается *kat* «получать». На стр. 6 Парижской рукописи встречается иероглиф из трех знаков (табл., 18). По Ланда, первый знак читается *u*, второй *ka*, третий *ha*. Получается чтение *ukah* «жажда» (обычное слово в пророческих текстах). В конце Мадридской рукописи есть глава о пчелах. В этой главе постоянно повторяется иероглиф из двух знаков (табл., 19), второй из них читается *k(a)*, первый неизвестен. Естественно предположить, что этот иероглиф читается *pak* «носить мед». Такое чтение подтверждается и рисунками, и употреблением знака *p(a)* в других иероглифах.

Таким образом, знак *s(u)* читается одинаково в алфавите Ланда и в словах *cutz*, *buluc*, *tzuc*. Знак *l(u)* читается одинаково в алфавите Ланда и в словах *tzul*, *buluc*, *lub*. Знак *k(a)* читается одинаково в алфавите Ланда и в словах *kati*, *kat*, *ukah*, *pak*. Знак *m(a)* читается одинаково в третьем примере Ланда (*ma in kati*), в слове *kat*, в имени бога *Mat* (табл., 20), прочтенном проф. Д. Келли, и других случаях. Все эти чтения

являются перекрестными и полностью соответствуют требованиям, предъявляемым к расшифровке. Сверх того они подтверждают также алфавитом Ланда и косвенным определением смысла иероглифов путем арифметических расчетов или сличения текста с рисунками.

Расшифровка дала возможность приступить к изучению языка иероглифических текстов. Есть все основания полагать, что тексты написаны на языке того времени, когда было изобретено иероглифическое письмо (первые века до нашей эры). Этот древний язык стал литературным и священным. Жрецы писали на нем до испанского завоевания, тогда как разговорный язык за полторы тысячи лет сильно изменился во всех отношениях.

Для того чтобы изучать язык иероглифических текстов, необходимо, конечно, определить чтение всех знаков, которых в письме майя около 300. Работа эта еще не завершена. Наибольшие трудности представляет чтение идеограмм. Даже в тех случаях, когда ясен смысл идеограммы, трудно выяснить, какое слово она передает. Точно определить чтение идеограммы можно в том случае, если она употребляется также в качестве фонетического знака, как, например, идеограмма солнца (*kin*). Можно также использовать случаи, когда идеограмма заменяется фонетическим написанием. Например, слова *cutz* «индюк» и *тоо* «попугай» имеются и в идеографической, и в фонетической записи.

Идеограмму обычно определяют как знак, передающий слово. Такое определение встречается и в моих статьях. Однако более точные наблюдения показывают, что идеограмма передает только корень. Идеограмма не может передавать корень с аффиксами, т. е. грамматическую форму слова (имея в виду, конечно, синтетические, а не аналитические формы). Это наблюдение полностью подтверждается употреблением идеограмм в иероглифических системах письма Старого Света.

В каждом языке есть верхняя граница фонетического состава корня слова. Корень, например, может быть односложным, двухсложным или трехсложным (или соответственно двухрадикальным, трехрадикальным, считая радикалом согласный звук при неустойчивых гласных). Так как и идеограммы, и фонетические знаки в иероглифическом письме общего происхождения, то ни идеограмма, ни фонетический знак не может передавать больше звуков, чем максимальный фонетический состав корня данного языка. В языке майя корни односложны (открытый или закрытый слог). Отсюда следует, что никакая идеограмма или фонетический знак в письме майя не может передавать больше, чем закрытый слог. Поэтому, например, идеограмма ягуара не может быть прочтена *balam* или *bolay*, так как в этих словах окончания *-am* и *-ay* являются суффиксами. Точно так же идеограмма совы не может быть прочтена *tuun*, потому что это слово имеет суффикс *-an*, который не может быть выражен идеограммой.

Фонетические знаки в письме майя всегда передают только один слог. Состав этих слогов точно такой же, как и состав корней языка майя, а именно: они могут состоять из одного гласного звука [тип А], из гласного и согласного [тип АВ], из согласного и гласного [тип БА] и из двух согласных с гласным между ними [тип БАВ]. Знаки открытых слогов употребляются также для передачи отдельных согласных звуков в конце слова, и поэтому их правильнее назвать алфавитно-слоговыми знаками типа Б(А). Широкое употребление этих знаков — характерная особенность письма майя.

Так как имеется по несколько алфавитно-слоговых знаков для одного и того же согласного звука (но с разными гласными), например *k(a)*, *k(u)*, *k(e)* и т. д., то, казалось бы, безразлично, какой из этих звуков употребить, чтобы передать один согласный звук в конце слова. Однако писцы майя

довольно строго придерживались следующего орфографического правила: для передачи согласного звука в конце слова следует употребить такой алфавитно-слоговой знак, подразумеваемый гласный которого тождествен предыдущему гласному звуку слова. Такого рода написание можно назвать сингармоническим. Так, например, в слове *tzul* употреблен алфавитно-слоговой знак *l(u)*, а в имени богини *Chel* — знак *l(e)*. Сингармоническое написание, безусловно, преобладает, хотя в ряде случаев встречаются отклонения от него — например, в слове *kuch* «гриф» употреблен знак *ch(e)*, а не *ch(u)*. Проф. Д. Келли (в письме от 27 января 1957 г.) предложил очень интересное объяснение этому явлению. По его мнению, корни древнего языка майя были двухсложными. При этом конечный гласный звук был обычно тождествен предыдущему, хотя имелись и отклонения. Предположение Д. Келли подтверждается рядом наблюдений над лексикой языка майя. Если оно окажется правильным, тогда можно считать, что иероглифическое написание точно фиксирует конечные корневые гласные звуки, впоследствии исчезнувшие.

Фонетика древнего литературного языка майя, несомненно, значительно отличалась от известной нам фонетики разговорного языка времен испанского завоевания. В отношении гласных звуков прежде всего следует отметить широкое распространение сингармонизма в новом языке. В непереходных глаголах гласный звук суффикса *-hal* изменяется соответственно гласному корню, а согласный звук *h* исчезает, в результате чего появляются глаголы типа *hanal*, *cimil*, *ukul*. В глаголах страдательного залога гласный звук суффикса *-bal* подвергается такому же изменению, а согласный *b* исчезает. Этот процесс сингармонизации глаголов был в полном разгаре во времена испанского завоевания, тогда как в древнем языке его еще не было.

Произношение согласных звуков также значительно изменилось. Можно отметить закономерные переходы звуков *t—ch*, *ch—c*. Например, слово древнего языка *te* «дерево», *chuan* «небо» в новом языке произносятся *che*, *caan*. В древнем языке был звук *ng*, который в новом языке переходит в *h* или *n*.

Точно так же следует отметить ряд серьезных изменений в грамматике. В новом языке появляется группа личных имен существительных в результате переосмысления префиксов *ah-* и *ix-*, которые в древнем языке не давали указания на пол. Особенно сильно изменилось спряжение глаголов. Непереходные глаголы в древнем языке имели суффиксы *-ngal* (настоящее время), *-ngi* (прошедшее время), *-ngom* (будущее время). Впоследствии эти суффиксы стали произноситься в одних случаях *-hal*, *-hi*, *-hom(-om)*, в других случаях *-nal*, *-ni*, *-nom*. Только в некоторых глаголах сохранился архаический суффикс настоящего времени, например *lolancal* «цвести» (прошедшее время *lolni*). В этих случаях древний звук *ng* воспринимается уже как сочетание согласных *nc* (иногда *nh*). Затем, как говорилось выше, произошла сингармонизация многих непереходных и пассивных глаголов. Кроме того, следует отметить исчезновение суффикса будущего времени *-om*, который встречается как архаизм в текстах колониального периода. В дальнейшем появилось аналитическое спряжение с помощью временных частиц в сочетании с местоименными аффиксами, тогда как в древнем языке преобладало суффиксальное спряжение. В связи с этим изменились основы настоящего и будущего времени переходных глаголов.

Изучение лексики языка иероглифических текстов весьма затрудняется тем, что пока плохо изучена лексика языка колониального периода. Даже важнейшие словари языка майя, в том числе словари из Вены и Сан-Франциско, до сих пор не изданы. Однако лексики всех

словарей, копии которых имеются у зарубежных специалистов, не хватает даже для того, чтобы перевести тексты колониального периода. В так называемых книгах Чилам Балам, написанных на языке майя испанским алфавитом (большинство этих книг также не опубликовано), встречается настолько много непонятных и сомнительных слов, что переводы этих текстов, сделанные различными авторами, часто совершенно не похожи друг на друга. Достаточно сопоставить переводы Р. Ройса, А. Баррера Васкеса и М. Мэйкемсон, чтобы убедиться в этом.

Если в книгах Чилам Балам встречается настолько много непонятных слов, что крайне трудно дать точный перевод, то в древних иероглифических текстах дело обстоит, естественно, гораздо хуже. В них встречается некоторое количество понятных слов среди непонятого или сомнительного лексического материала, не имеющего аналогий ни в словарях, ни в текстах колониального периода. В этом, конечно, нет ничего удивительного, потому что язык иероглифических текстов на полторы тысячи лет древнее известного (или, вернее, очень плохо известного) нам языка майя XVI в. Поэтому нельзя ожидать быстрых успехов в чтении иероглифических текстов. С другой стороны, именно это обстоятельство делает язык майя особенно интересным для филологов, так как пока что это единственный язык на континенте Америки, развитие которого можно проследить на протяжении двух тысячелетий — с рубежа нашей эры до наших дней.
